

**ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ПОВЕСТИ ИСЛАМА ХАНИПАЕВА
«ТИПА Я. ДНЕВНИК СУПЕРКРУТОГО ВОИНА»
В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О ДЕТСТВЕ**

Аннотация. Статья посвящена анализу повести современного дагестанского писателя Ислама Ханипаева «Типа я. Дневник суперкрутого воина» в контексте экзистенциальной проблематики детской литературы. Цель работы состоит в выявлении способов художественного воплощения фундаментальных вопросов человеческого бытия в произведении, адресованном детям и подросткам. Методология исследования включает сравнительно-сопоставительный анализ с классическими произведениями русской литературы, среди которых «Детство» М. Горького, «Ангелочек» и «Петька на даче» Л. Андреева, «Гимназисты» Н. Гарина-Михайловского, «Сказка о потерянном времени» Е. Шварца, а также опору на труды основоположников экзистенциализма К. Ясперса, Ж.П. Сартра и А. Камю. В ходе анализа установлено, что ключевые категории экзистенциализма, а именно пограничная ситуация, одиночество, свобода и ответственность, отношение к смерти, находят в повести Ханипаева оригинальное художественное воплощение. Главный герой воспринимает окружающий мир как враждебный вследствие утраты отца, что запускает процесс экзистенциального взросления. Центральный образ произведения, «суперкрутой воин», впервые интерпретируется как механизм психологической защиты и способ обретения подлинной идентичности. В отличие от героев классической русской литературы, персонаж Ханипаева не ожесточается и не смиряется, а находит внутренний ресурс для преодоления кризиса через творческое переосмысление себя. Дневниковая форма фиксирует интимный процесс самоосмысления, что делает произведение глубоко психологичным, позволяющим проследить эволюцию чувств и мыслей героя в переломный момент его жизни. Повесть Ханипаева, продолжая традиции русской классики, предлагает оптимистическое решение экзистенциального конфликта. Встреча с пограничными ситуациями, включая смерть, одиночество и непонимание, становится не трагедией, а импульсом для творческого самоосмысления и обретения себя. Результаты могут быть применены в курсах современной детской литературы и в практике анализа подростковой прозы.

Ключевые слова: экзистенциализм, детская литература, литература народов России, Ислам Ханипаев, «Типа я. Дневник суперкрутого воина», дневниковая проза.

Сведения об авторе: Себелева Анастасия Валериевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, лингводидактики и перевода Нижневартовского государственного университета; ORCID 0000-0002-9545-0105.

Контактная информация: 628609, Россия, г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 3б, ауд. 305;
тел.: 8-912-935-7841, e-mail: sebelevaa@mail.ru

A.V. Sebeleva

**EXISTENTIAL ISSUES IN ISLAM KHANIPAEV'S NOVEL «JUST ME. DIARY
OF A SUPER COOL WARRIOR» IN THE CONTEXT
OF RUSSIAN LITERATURE ON CHILDHOOD**

Abstract. The article analyzes the novel “Just Me. Diary of a Super Cool Warrior” by contemporary Dagestani writer Islam Khanipaev in the context of existential issues in children's literature. The aim is to identify how fundamental questions of human existence are artistically represented in a work addressed to children and adolescents. The methodology includes comparative analysis with classical works of Russian literature, such as M. Gorky's “Childhood”, L. Andreev's “The Little Angel” and “Petka at the Dacha”, N. Garin-Mikhailovsky's «High School Students», and E. Schwartz's “The Tale of Lost Time”, as well as theoretical reference to the founders of existentialism, K. Jaspers, J.P. Sartre, and A. Camus. The analysis reveals that key existential categories, specifically borderline situation, loneliness, freedom and responsibility, and attitude toward death, receive original artistic embodiment in Khanipaev's novel. The protagonist perceives the surrounding world as hostile due to the loss of his father, which triggers the process of existential coming of age. The central image of the novel, the “super cool warrior”, is interpreted for the first time as a mechanism of psychological defense and a way of achieving authentic identity. Unlike the heroes of classical Russian literature, Khanipaev's character does not become embittered or resigned. Instead, he finds an internal resource to confront the crisis through creative self-reinvention. The diary form records the intimate process of self-examination, rendering the work profoundly psychological and enabling the reader to trace the evolution of the protagonist's emotions and thoughts at a crucial juncture in his life. Khanipaev's novel, continuing the traditions of Russian classics, offers an optimistic resolution to the existential conflict. Encountering borderline situations, including death, loneliness, and misunderstanding, becomes not a tragedy but an impetus for creative self-reflection and self-discovery. The results can be applied in courses on contemporary children's literature and in the analysis of adolescent prose.

Keywords: existentialism, children's literature, literature of the peoples of Russia, Islam Khanipaev, “Just Me. Diary of a Super Cool Warrior”, diary prose.

Information about the author: Anastasia Valerievna Sebeleva, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Philology, Linguodidactics and Translation at Nizhnevartovsk State University; ORCID 0000-0002-9545-0105.

Contact information: 3b Mira Street, room 305, Nizhnevartovsk, 628609, Russia; 8-912-935-7841, e-mail: sebelevaa@mail.ru

Экзистенциализм как философское направление оформился в первой половине XX века в трудах К. Ясперса, М. Хайдеггера, Ж.П. Сартра и А. Камю. Однако проблематика, составляющая его ядро, а именно вопросы жизни и смерти, свободы и ответственности, одиночества и поиска смысла, имеет универсальный, вневременной характер. Как справедливо отмечается в современных философских словарях, экзистенциализм представляет собой «философское учение, считающее исходной точкой не столько бытие или понятие, сколько индивидуальное существование –экзистенцию» (Философский словарь 2012: 628). Именно это сосредоточение на уникальности человеческого бытия, на внутреннем мире отдельной личности делает экзистенциализм продуктивной методологической основой для анализа художественных произведений, обращенных к процессу взросления и формирования самосознания.

Ключевыми категориями экзистенциализма, значимыми для литературоведческого анализа, являются экзистенция, то есть непосредственное существование, эссенция, то есть скрытая сущность, которую предстоит обнаружить, пограничная ситуация как состояние между жизнью и смертью, пробуждающее подлинное самосознание (Ясперс 2012: 79), свобода и ответственность, поскольку человек обречен на свободный выбор и несет за него полную ответственность (Сартр 1989: 325), одиночество как изначальное состояние человека, необходимое для самоосмысления (Кручинин, Багрова 2016: 177), а также смерть как предельное основание человеческого существования.

Применимость экзистенциального подхода к анализу детской литературы обосновывается в работах отечественных исследователей, развивающих традиции русской психологической и педагогической мысли. Т.Д. Попкова доказывает, что ребёнок является полноправным носителем экзистенциального сознания: «Восприятие мира формируется в сознании детей на основе их мировидения, включающего в себя мироощущение, миропонимание, мироистолкование и миропреобразование, которые в своей совокупности создают предпосылки для возникновения мироосознания» (Попкова 2010: 91). Экзистенциальные переживания у детей, согласно этой концепции, возникают вследствие дисгармоничности реального мира и проявляются в вопросах о добре и зле, обмане и правде, жизни и смерти. Именно эти вопросы, традиционно находящиеся в центре русской классической литературы о детстве, становятся сюжетообразующими и в повести Ислама Ханипаева «Типа я. Дневник суперкрутого воина».

Повесть Ханипаева, написанная от лица восьмилетнего мальчика и выдержанная в форме дневниковых записей, продолжает жанровую традицию русской автобиографической и психологической прозы о детстве. Выбор дневниковой формы имеет принципиальное значение для реализации экзистенциальной проблематики. В литературоведческом ключе дневник может быть интерпретирован как попытка художественного структурирования внутреннего хаоса, как поиск сущности через фиксацию непосредственного существования. Мальчик, записывая свои рассуждения, беседуя с воображаемым другом Крутым Али, одновременно осознает свое одиночество и находит пути его преодоления. Такое поведение соотносится с экзистенциальными представлениями о том, что осознание личностью себя

начинается с принятия положения о конечности бытия и, вместе с тем, о своей уникальности. Дневник здесь является не просто средством фиксации сознания, но позволяет герою найти свое я, отделив его от общественного запроса, и таким образом утвердив свою внутреннюю свободу.

Писатель повествует о повседневной жизни ребенка в небольшом дагестанском городе, его взаимодействия с приемной матерью (он ее называет «типа мама» говоря, что она притворяется его мамой), старшим братом (которого он называет «типа брат») и сверстниками. Однако за внешней простотой описываемых событий скрывается глубокий экзистенциальный подтекст. Утрата матери, ставшая отправной точкой взросления героя, постоянно присутствует в подтексте повествования, определяя его мироощущение и систему ценностей. В ответ на эту ситуацию герой создаёт альтер эго, Крутого Али, что представляет собой не просто детскую фантазию, а сложный механизм психологической защиты, позволяющий сохранить целостность личности перед лицом экзистенциального кризиса. Этот образ может быть рассмотрен в ряду традиционных для русской литературы мотивов двойничества и внутреннего диалога, восходящих к романтической и реалистической прозе XIX века.

Экзистенциальный конфликт между внутренним миром ребенка и внешней реальностью является одной из магистральных тем русской литературы о детстве. В этом отношении повесть И. Ханипаева органично вписывается в традицию, представленную такими произведениями, как «Петька на даче» и «Ангелочек» Л. Андреева, «Детство» М. Горького, «Гимназисты» Н. Гарина-Михайловского. Однако каждый из этих авторов предлагает свое видение экзистенциальной коллизии и путей ее разрешения.

В рассказе Л. Андреева «Петька на даче» главный герой неосознанно бунтует против действительности: «Ему хотелось куда-нибудь в другое место, о котором он ничего не мог сказать, где оно и какое оно» (Андреев 1990б: 58). Это неосознанное стремление «в другое место» свойственно и герою И. Ханипаева. Его фантазии о себе как о «суперкрутом воине» – это попытка создать то самое «другое место», где он будет сильным, защищённым и понятым. Существенное отличие заключается в степени осознанности этого процесса: если Петька лишь смутно ощущает потребность в ином существовании, то Артур активно конструирует альтернативную реальность, наделяя её конкретными чертами. Он прямо заявляет: «Я хочу быть на него похожим», имея в виду Крутого Али: «Так делают все крутые воины, и крутой Али тоже, и я должен быть таким же» (Ханипаев 2023: 7). Это можно определить как свойственную ребенку «тенденцию к гиперболизации «я»» (Култышева 2007: 266).

Сашка из «Ангелочка» Л. Андреева, как и герой Ханипаева, вполне осознанно протестует против неприятного ему мира: «И так как Сашка обладал непокорной и смелой душой, то он не мог спокойно отнестись ко злу и мстил жизни» (Андреев 1990а: 25). Однако формы протеста и, что важнее, способы их психологической мотивировки различны. Андреевский Сашка проявляет открытую агрессию, направленную вовне: он бьёт товарищей, грубит взрослым, рвёт учебники. Его «непокорная душа» находит выход в разрушительных

действиях, которые автор демонстрирует читателю через поступки, подчёркивая внешнюю, поведенческую сторону характера.

И. Ханипаев избирает иной путь психологического анализа. Его герой также обладает «непокорной душой», однако протест сублимируется во внутренний, творческий акт создания воображаемой идентичности. Писатель не столько показывает внешний бунт мальчика, сколько раскрывает его внутреннюю речь, зафиксированную в дневнике. Именно через саморефлексию, через фиксацию сомнений, страхов и фантазий читатель узнаёт о глубине конфликта. Автор признаётся: «Я хотел показать ребенка, выпавшего из общества (Помню даже тот день, когда сам осознал, что выпал. Пришел домой из школы, зашел на кухню и сказал маме: “Это только девятый класс, а я уже чувствую, что выпал из общества (класса)”» (Ханипаев 2023: 221). Если Андреев тяготеет к экспрессивной, внешней обрисовке характера через поступок, то Ханипаев, продолжая традиции русской психологической прозы, делает акцент на самоанализе героя.

Для понимания экзистенциальной природы переживаний героя Ханипаева показательным сопоставлением с «Детством» М. Горького. Одним из ключевых эпизодов в осознании враждебности мира для Алексея становится публичная порка: «С тех дней у меня явилось беспокойное внимание к людям, и, точно мне содрали кожу с сердца, оно стало невыносимо чутким ко всякой обиде и боли, своей и чужой» (Горький 1951: 15). Горький использует развёрнутую метафору «содранной кожи», которая материализует внутреннее переживание, делает его осязаемым для читателя.

У Ханипаева же способ изображения переживания принципиально иной. Писатель не использует развёрнутых метафор и не даёт авторской оценки чувствам героя. Вместо этого он предоставляет слово самому мальчику, чей дневник фиксирует не столько сами эмоции, сколько их осмысление, рефлексию по их поводу. «Я часто слышал слова: “Родителей мы не выбираем”, – записывает герой, – и, когда я это слышал, начинал мечтать о том, как было бы круто, если бы у меня была суперсила выбирать себе родителей» (Ханипаев 2023: 219). Это различие связано с разными художественными стратегиями: Горький воссоздаёт прошлое с высоты прожитого опыта, Ханипаев же использует дневниковую форму, имитирующую сиюминутность переживания. Герой не подводит итог, не формулирует афористичное определение своему состоянию, а фиксирует разрозненные мысли, вопросы без ответов, фантазии. Именно в этой разрозненности проявляется подлинность детского экзистенциального опыта. Герой не ожесточается, а пытается сохранить способность чувствовать, спрятав уязвимость за маской «воина». «Ей не понять, что для таких, как я, очень важно делать то, что мы любим. А мы любим драться и побеждать, а потом опять драться» (Ханипаев 2023: 7).

Отношение к смерти является одним из фундаментальных вопросов экзистенциальной философии. Как писал А. Камю в «Мифе о Сизифе», «решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы её прожить, – значит ответить на фундаментальный вопрос философии» (Камю 1990: 24). Для детской литературы тема смерти долгое время оставалась табуированной, однако современные исследователи и писатели признают необходимость ее художественного

осмысления, поскольку встреча со смертью является неизбежным этапом взросления и формирования экзистенциального сознания.

В повести Ханипаева тема смерти неразрывно связана с фигурой ушедшей матери. Её гибель – то событие, которое определяет всю дальнейшую жизнь главного героя, становясь той самой «пограничной ситуацией», которая, по Ясперсу, пробуждает субъекта к подлинной экзистенции. Важно проследить динамику осознания смерти героем, так как пограничная ситуация смерти в детской литературе, в отличие от «взрослого» экзистенциализма (Себелева, Харисов 2022), приобретает не трагическое, а конструктивное звучание, становится не точкой невозврата, а импульсом к внутренней работе. Так, в отличие от Алексея из горьковского «Детства», который в сцене похорон отца ещё не способен до конца осмыслить происходящее: «Я никогда еще не видал, чтобы большие плакали, и не понимал слов, которые говорила мать» (Горький 1951: 11), – герой Ханипаева находится на более поздней стадии переживания утраты. Смерть для него уже не абстракция, а реальность, с которой необходимо научиться жить. Он размышляет: «Я вышел из подъезда, размышляя о том, что недавно был человек и теперь его нет. У меня тоже была настоящая мама, а теперь ее нет. Я подумал о том, что люди слишком легко умирают и вообще никого не предупреждают» (Ханипаев 2023: 61).

Как и Петя Зубов из «Сказки о потерянном времени» Е. Шварца, оказавшись в экзистенциальном кризисе, герой Ханипаева остаётся один на один со своим горем. Петя думает: «Какой я одинокий, несчастный старик. Ни мамы, ни детей, ни внуков, ни друзей...» (Шварц 1972: 43). Герой Ханипаева тоже остро ощущает своё одиночество, особенно в моменты, связанные с памятью о матери. Однако в сказке Шварца одиночество преодолевается через коллективное действие, тогда как герой Ханипаева вынужден справляться с кризисом преимущественно самостоятельно, что усиливает экзистенциальное напряжение повествования.

Особого внимания заслуживает сопоставление образа героя Ханипаева с Берендием из «Гимназистов» Н.Г. Гарина-Михайловского. Для Берендия, столкнувшегося с невыносимым давлением обстоятельств, смерть становится желанным исходом: «Смерть – двери в царство свободы!» (Гарин-Михайловский 1957: 215). В этом восклицании отражается характерный для экзистенциализма мотив: осознание конечности существования может привести как к утверждению жизни, так и к её отрицанию. Герой Ханипаева, несмотря на всю тяжесть своего положения, не ищет смерти как избавления. Он пытается понять, как жить дальше в мире, где есть смерть. В его фантазиях возникает образ того, как он сам мог бы предупредить близких о своей смерти: «Если бы я собирался умереть, я бы точно всех предупредил. Я бы собрал всех-всех своих лучших друзей у себя в комнате. Позвал бы Расула и... еще кого-нибудь – типа маму, Ахмеда, Амину – и сказал бы, что я собираюсь умереть через неделю и что если кто-нибудь собирался мне что-нибудь потом подарить, то лучше подарить сейчас, а то я уже буду мертвый и дарить будет некому» (Ханипаев 2023: 61). Это более зрелая экзистенциальная позиция, предполагающая не бегство от реальности, а выстраивание новых отношений с ней.

Характерно, что в повести Ханипаева, как и в сцене похорон Берендия у Гарина-Михайловского, каждый из персонажей остаётся наедине с собой перед лицом смерти. Никто

не может разделить с главным героем его горе, никто не может дать ответы на его вопросы. Это подчёркивает ключевую экзистенциальную истину: человек одинок в своих главных переживаниях, и только через это одиночество он может обрести подлинное понимание себя. Однако одиночество у Ханипаева не абсолютно, герой находит опору в образе Крутого Али, который становится для него внутренним ресурсом, позволяющим не сломаться под грузом утраты, а затем в поддержке Суперкрутой команды (название временное).

Центральным художественным открытием повести Ханипаева является образ Крутого Али – альтер эго, которое создаёт для себя главный герой. С экзистенциальной точки зрения, этот образ может быть интерпретирован как попытка обретения эссенции той подлинной сущности, которая скрыта за повседневным существованием и которую необходимо обнаружить, чтобы стать собой.

Артур находится в процессе, который К.А. Абульханова-Славская называет «самоосмыслением» – «осмыслением собственной жизни, активности особого рода, направленной не просто на осознание ведущих мотивов, но и на координацию всей личности в целом» (Абульханова-Славская 1991: 85). Дневник, который ведёт мальчик, фиксирует этот процесс, и читатель становится свидетелем постепенного вызревания новой идентичности. Крутой Али – не просто фантазия, но образ, выполняющий важнейшие психологические функции, так как он защищает уязвимое «Я» от травмирующих воздействий извне, даёт ощущение силы и контроля над собственной жизнью. Герой прямо указывает на дистанцию между собой и своим идеалом: «Не сравнивай нас. Ты великий воин, а я только начинаю свой путь воина» (Ханипаев 2023: 10).

Как и герои Л. Андреева, мальчик остро переживает «ощущение своей покинутости всеми». Вспомним Сашку в доме Свечниковых: «Забившись за рояль, Сашка сел там в углу... и думал, что у него есть отец, мать, свой дом, а выходит так, как будто ничего этого нет и ему некуда идти» (Андреев 1990а: 27). Герой Ханипаева, несмотря на наличие приёмной семьи, также чувствует себя покинутым в мире, где нет настоящей матери. Однако если Сашка находит временное спасение в ангелочке – символе иной, светлой жизни, который дан ему извне, то герой Ханипаева находит спасение внутри себя, в своём воображаемом «Я». Это принципиальное различие, так как ангелочек может быть отнят, сломан, утрачен, тогда как внутренний образ Крутого Али остаётся с героем всегда, становясь неотъемлемой частью его личности.

Кульминацией экзистенциальной работы героя становится размышление о родителях и собственном бессмертии. Герой записывает в дневнике: «Наверное, тогда я и понял, что я и есть мои родители, а мои дети будут мною – и так бесконечно. Я подумал: “Бессмертный воин – звучит круто”. Осталось как-нибудь разобраться с обетом безбрачия» (Ханипаев 2023: 219). В этом фрагменте – квинтэссенция экзистенциального выбора героя: приняв конечность индивидуального существования, он утверждает бесконечность через связь поколений и через внутреннюю силу.

В экзистенциализме свобода неразрывно связана с ответственностью. Человек «обречен быть свободным» (Сартр 1989: 329), но эта свобода означает и абсолютную ответственность

за все свои выборы. Как отмечают исследователи, «одинокость как ответственность означает то, что человек сам выбирает свои поступки, человек обречён на самостоятельный выбор, он не может возложить на другого человека ответственность за свой собственный выбор» (Кручинин, Багрова 2016: 178).

Герой Ханипаева, потеряв мать и оказавшись в пограничной ситуации, вынужден взрослеть быстрее, принимать решения, брать на себя ответственность. Создавая образ Крутого Али, он принимает на себя эту ответственность осознанно. Он выбирает – быть сильным, защищать близких, не сдаваться, преодолевать страхи. В этом выборе проявляется его экзистенциальная свобода, когда перед лицом взрослого, противоречивого мира он утверждает свою волю к жизни и к действию. Даже в шутовском рассуждении об обете безбрачия сквозит серьёзная тема ответственности: «Я дал обет безбрачия. Это значит, я никогда не женюсь на Амине. Но мне себя не жалко. Жалко Амину, потому что у нее никогда не будет крутого мужа» (Ханипаев 2023: 16).

Это принципиально отличает его от героев, например, Л. Андреева. Петя после возвращения с дачи в город утрачивает способность к сопротивлению, Сашка, получив ангелочка, лишь на мгновение обретает покой, но его будущее остаётся неясным. Герой Ханипаева, напротив, активно строит своё будущее, пусть и через фантазию, через игру в «воина». Эта игра становится для него способом обретения свободы – свободы быть собой в мире, который пока ему не понятен и воспринимается враждебным.

Важно подчеркнуть, что Крутой Али у Ханипаева – это не отрицание реальности, а способ взаимодействия с ней. Герой не убегает в мир грёз, но использует воображаемый образ как опору для реальных поступков. В этом проявляется диалектика экзистенциального выбора, когда принимая условность своей идентичности, герой обретает подлинность существования. Он не становится «воином» в буквальном смысле, но присваивает себе те качества, которые необходимы ему для жизни в мире, смелость, верность, готовность защищать слабых. Важно то, что сам герой не растворяется в альт-эго, а способен вести с ним диалог, рассуждать и даже спорить, не соглашаться и поступать вопреки.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что повесть Ислама Ханипаева «Типа я. Дневник суперкрутого воина» органично вписывается в традицию русской литературы, исследующей экзистенциальные переживания ребенка. Как и его предшественники – Л. Андреев, М. Горький, Н. Гарин-Михайловский, Е. Шварц, – Ханипаев обращается к ключевым для экзистенциализма категориям пограничной ситуации, одиночеству, свободе и ответственности, отношению к смерти.

Однако писатель транслирует принципиально иное решение бытийного конфликта. Герой Ханипаева находит внутреннюю силу для переосмысления своего места в мире, отстаивает возможность быть собой и оставаться ребенком. Образ Крутого Али для него это не способ ухода от реальности, а способ сохранения внутренней целостности, обретения опоры, чтобы побороть реальные и вымышленные страхи.

Дневниковая форма повествования добавляет интимности и достоверности переживаниям мальчика, позволяет передать непосредственный ход мыслей и логики, что

делает книгу образцом напряженной рефлексии маленького человека. Она позволяет показать процесс принятия пограничной ситуации смерти, одиночества, непонимания как трудную внутреннюю работу, требующую силы духа и честности перед самим собой.

Таким образом, повесть Ислама Ханипаева «Типа я. Дневник суперкрутого воина» является примером прозы о детях которая поднимает философские и нравственные вопросы жизни и смерти, выбора и ответственности. Она вписывается в широкий контекст отечественной литературы, исследующей значимые основы детского мировосприятия, и одновременно предлагает оптимистическое прочтение этих сложных тем, утверждая ценность личности и возможность обретения счастья даже в самых сложных обстоятельствах. Повесть открывает новые перспективы для исследования данной проблематики в современной детской литературе и может служить материалом для дальнейших литературоведческих исследований.

ЛИТЕРАТУРА

Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.

Андреев Л.Н. Ангелочек // Андреев Л.Н. Собрание сочинений в 6 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1990а. С. 24-31.

Андреев Л.Н. Петька на даче // Андреев Л.Н. Собрание сочинений в 6 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1990б. С. 55-62.

Гарин-Михайловский Н.Г. Гимназисты // Гарин-Михайловский Н.Г. Собрание сочинений в 5 т. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1957. С. 120-298.

Горький М. Детство // Горький М. Собрание сочинений в 30 т. Т. 13. М.: Гослитиздат, 1951. 452 с.

Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Камю А. Бунтующий человек. М.: Политиздат, 1990. С. 23-100.

Кручинин С.В., Багрова Е.В. Экзистенциализм, проблема человека и его одиночество в экзистенциализме // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016. № 4 (44). С. 176-182.

Култышева О. М. Творчество В. Маяковского во взаимодействии с литературным процессом 1910–1920-х годов: специальность 10.01.01 «Русская литература»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Култышева Ольга Михайловна. Москва, 2007. 480 с.

Попкова Т.Д. Экзистенциальное самосознание как духовная суть личности ребенка (на примере повести Ч. Айтматова «Белый пароход») // Вестник Вятского государственного университета. 2010. № 4. С. 87-96.

Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 319-344.

Себелева А.В., Харисов Д.Р. Экзистенциальные проблемы в повести В. Быкова «Сотников» // Фундаментальная и прикладная наука: состояние и тенденции развития: сборник статей XVII Международной научно-практической конференции (3 февраля 2022 г.). Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2022. С. 127-133.

Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. 8-е изд. М.: Республика, 2012. 719 с.

Ханипаев И. Типа я. Дневник суперкрутого воина: [повесть] / Ислам Ханипаев. М.: Альпина нон-фикшн, 2023. 224 с.

Шварц Е. Сказка о потерянном времени // Шварц Е. Сказки. М.: Детская литература, 1972. С. 40-52.

Ясперс К. Духовная ситуация времени // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. С. 287-418.

Ясперс К. Философия. Кн. 2. Просветление экзистенции. М.: Канон+, 2012. 448 с.

© Себелева А.В., 2026